

УДК 330.342.001.36

«НОВАЯ ЭКОНОМИКА» — ОСНОВА ТРАНСФОРМАЦИЙ В БЕЛАРУСИ

THE “NEW ECONOMY” IS THE BASIS OF TRANSFORMATIONS IN BELARUS

И. В. Войтов,

ректор БГТУ, д-р техн. наук, проф.

И. В. Новикова,

зав. кафедрой менеджмента, технологий бизнеса и устойчивого развития БГТУ, д-р экон. наук, проф.

I. Voitov,

Rector of the BSTU, Doctor of Technical Sciences, Professor

I. Novikova,

Head of Department of Management, Business Technology, Sustainable Development, Doctor of Economic Sciences, Professor

Дата поступления в редакцию — 20.03.2017 г.

В статье обосновывается необходимость структурных трансформаций в республике с учетом новых тенденций — формирование геоэкономики, переход к новым организационным моделям развития. Они формируют «новую экономику», лежащую в основе принятия решений по трансформациям.

The article proves the necessity of structural transformations in the republic taking into account new trends — formation of geo-economics, transition to new organizational models of development. They form the “new economy” underlying the decision-making on transformations.

Ключевые слова: геоэкономика, «новая экономика», сетевая экономика, постиндустриальная экономика, VI технологический уклад, «Индустрия 4.0», информационная экономика, кластерно-сетевое развитие, «открытые инновации», аутсорсинг, инсорсинг.

Keywords: Geo-Economics, “new economy”, network economy, postindustrial economy, VI technological way, “Industry 4.0”, information economics, cluster and network development, “open innovation”, outsourcing, insourcing.

Мир стремительно меняется, переживая тектонические трансформации. Меняется как мировая экономика, превращаясь в реальную геоэкономику — единую планетарную экономическую систему, так и национальные экономики, которым необходимо пересматривать стратегии своего развития в меняющейся среде.

Как, в каком направлении меняется мировая экономика сегодня? Какой будет новая парадигма ее развития? От этого зависит и стратегия национальной экономики, ее реформы и взаимодействия с другими странами. Если не разобраться с этими вопросами, кажущимися

теоретическими, то можно при реформировании и перестройке структуры попасть на тупиковые ветки в развитии экономики.

Уже не секрет, что в нынешних условиях происходит обновление способа производства, означающее переход от индустриальной стадии к постиндустриальной. Экономика становится не просто постиндустриальной, в которой центр тяжести переносится на науку и образование, «постиндустриализм» пронизывает все поры национальной экономики, требуя ее перехода к инновационному развитию. «Просто экономика» превращается в «экономику знаний».

В структуре ВВП увеличивается доля сферы услуг (в высоко технологически развитых странах — до 80 %). Снижается доля индустриального сектора, меняется и он сам, вызывая сдвиги в мировой экономике.

В частности, происходит переосмысление самого промышленного производства, обуславливая переход к 4-й промышленной революции, которая уже реально формируется на так называемой технологической платформе «Индустрия 4.0» в Германии. Суть ее в том, что «Индустрия 4.0» — это средство повышения конкурентоспособности обрабатывающей промышленности Германии через усиленную интеграцию «киберфизических систем», или CPS, в заводские процессы. Это ведет к принципиальным изменениям в мировой экономике — не востребованной окажется не только низкоквалифицированная рабочая сила, но и рабочая сила вообще! Не нужно будет в поисках снижения издержек выводить филиалы в страны с дешевой рабочей силой. Сама собой отпадает проблема встраивания в цепочки добавленной стоимости в кооперации между филиалами транснациональных корпораций. Японский промышленный сектор развивается в том же направлении — только через роботизацию.

Уже произошло обновление всего общественного уклада через переход от капиталистической системы к посткапиталистической. Это означает, что производственными факторами, в основном, становятся не труд, земля, капитал и предпринимательские способности, что было аксиомой в промышленную эпоху второй половины XX в., а информация, интеллект и время. Не срабатывает и главный механизм рыночной системы — рынок, ибо он эффективен там, где производятся достаточно несложные товары. Цены на технически сложные товары зависят не от спроса и предложения, а от контрактов. Более того, с развитием информационной экономики чем больше наша жизнь будет зависеть от бесконечно воспроизводимых цифровых ресурсов и чем меньше от физических, тем быстрее будет снижаться способность рынка назначать цены, а альтернативные формы обмена и оплаты будут процветать. Уже процветают! (Например, Uber, PayPal и др.) [1].

В отличие от индустриальной эпохи, когда казалось, что ресурсы безграничны, уже доказано, что ресурсы исчерпаемы, среда обитания

человека ухудшается в результате постоянного стимулирования экономического роста. Рыночная экономика не может обеспечить периферийным и трансформационным экономикам динамичного развития. Рыночную экономическую систему в рамках национальных границ можно определить как совокупность хозяйствующих субъектов и институциональных форм их функционирования, мотивационную основу для принятия решений и их осуществления хозяйствующими субъектами составляет частная собственность и право; интеграционную и информационную — свободное колебание спроса, предложения и цен; организационную — товарное производство. В таком определении рыночная система перестает работать, становясь неэффективной, ведя к исчерпанию природных ресурсов.

Все это свидетельствует о том, что следует формировать новое мировоззрение, новую парадигму экономического развития, ибо формируется планетарная система, которая будет работать по совершенно новым экономическим законам. И многим странам пробиться в систему развития просто невозможно!

В свою очередь факторы перехода к постиндустриальному и посткапиталистическому развитию обуславливают и смену организационных моделей развития, организационно-технологического взаимодействия между экономическими субъектами — акторами экономики. Уже сегодня в технологически развитых странах, да и не только в них, происходит переход к новой координации деятельности экономических субъектов: от рыночно-иерархической координации — к кластерно-сетевой, от вертикальной организационной формы — к «плоской» горизонтальной. Это не дань моде. Это реальный тренд! А кластерно-сетевое развитие — это не механическое объединение, часто, казалось бы, не объединяемого. Это новая организационная реальность!

Все эти факторы в совокупности требуют изменения не только в стратегии развития национальных экономик, но и интеграции между ними. Если региональная экономическая интеграция XX в. начиналась с индустриального сектора как основного сектора развития национальной экономики, то XXI в. по своему характеру — век постиндустриальный, соответственно, и интеграционные процессы должны начинаться с инновационной и образовательной сфер. Отсюда

и противоречия в интеграционных процессах в современных условиях.

В отличие от индустриальной экономики, которая зародилась и формировалась как национальная, постиндустриальная экономика носит глобальный характер и может существовать только как *сетевая*. Не может быть никакой «местечковой», периферийной науки и инноваций, тем более в условиях быстрого развития информационно-телекоммуникационных связей. Нельзя высокотехнологичные научные исследования вести «по указам» в закрытых «шарашках». Вертикаль эффективна только в индустриальной экономике, но не в постиндустриальной. Сегодня уже доказано, что мир уходит от иерархий, от закрытых систем, от вертикальной субординации не просто потому, что это хочется кому-то, а в силу того, что время для принятия решений сжимается, информация нарастает и вертикальная субординация становится неэффективной при принятии решений. «Плоская» горизонтальная форма организации взаимодействий становится более эффективной по сравнению с вертикальной на основе разнообразных форм сорсинга — инсорсинга, аутсорсинга, краудсорсинга [2].

Технический базис сетевой экономики обеспечивает информационный сектор экономики. Если в этом секторе в национальных экономиках занято более 50 % экономически активной рабочей силы, то это означает, что в экономике начинается постиндустриальная стадия. Таким образом, *информационная экономика* — это не только форма проявления, но и базис постиндустриальной экономики.

Сегодня наша перспектива — успеть на новую технологическую волну, войти в VI технологический уклад. Путь этот лежит через запуск механизма инновационного развития. Совершенно очевидно, что в XXI в. смогут занять достойное место в мировом сообществе только страны, идущие по пути инновационного развития, обеспечившие структурную перестройку и модернизацию экономики и на этой основе рост конкурентоспособности продукции. Инновационное развитие экономики предполагает модернизацию, реинжиниринг экономических и организационных механизмов, прежде всего, на макроуровне.

В настоящее время мировая экономика находится в состоянии ожидания начала «новой волны», подъем которой будет связан с

VI технологическим укладом. Таким образом, мы обречены на инновационное развитие. Иного пути у республики просто нет, иначе волна похоронит нашу экономику.

Если же мы посмотрим на индекс инновационного развития, то увидим, что мы и наши интеграционные соседи занимают не столь высокие позиции. Например, Россия в 2015 г. находилась на 48-м месте, в то время как Беларусь — на 53-м. У России при этом есть хоть и не большая, но положительная динамика: с 49-го места в 2014 г. она переместилась на 48-е в 2015-м и на 43-е место — в 2016 г. Мы же, напротив, имеем отрицательную динамику, переместившись за этот период с 28-го места (2014) на 53-е (2015), а в 2016 — уже на 79-е [3]!

Многие скажут, что мы бедные, у нас не хватает средств на научные исследования, поэтому мы и смещаемся с отрицательной динамикой. Однако процитируем «Отчет об инновационном развитии за 2015 г.»: «Программы национальной инновационной политики расцветают в странах с низкими и средними доходами... сегодня две стороны формируют инновационную систему. С одной стороны, существует необходимость улучшить рамочные условия для инноваций; это включает бизнес-среду, доступ к финансам, конкуренцию и торговую открытость. С другой стороны, страны нуждаются в инновационной политике нацеленной как на инновационных акторов, так и на тесные взаимосвязи между ними; это включает коллаборативные исследовательские проекты, государственно-частное партнерство и кластеры!» [4]. Речь здесь ведется, прежде всего, об инновационных кластерах в высокотехнологических секторах, ибо новые рынки можно сформировать только на основе новых продуктов, новых технологий. Необходим высокотехнологичный производственный сектор, и его необходимо создавать. А это непросто. Это тоже технологии! Даже в США на сегодняшний день (2012) его доля в структуре производства составляет только 8,94 %. Зато у этого сектора большой потенциал: уже занято 12,08 % всей рабочей силы, и доля возникающих высокотехнологических бизнесов в структуре всех бизнесов составляет 0,13–0,16 %. И это еще начальная стадия VI технологической волны [5].

Высокотехнологичный инновационный кластер — это новая организационная модель, характерная для развития «новой экономики»! Формируется кластер не как индустриальный, потому

что в «гроздь» в инновационно-промышленном кластере можно стянуть уже существующие промышленные организации. Ядро же высокотехнологического инновационного кластера нужно еще сформировать! Его должны составлять своего рода «центры превосходства», под которыми понимается группа инновационных организаций, занимающаяся прорывными исследованиями и разработками. В Республике Беларусь такую группу составляют инновационные организации медико-биотехнологического профиля и нанотехнологий. Взаимоотношения между ними выстраиваются на принципах «открытых инноваций», инсорсинга и аутсорсинга [2].

Все это правильно, но может превратиться только в игру дефиниций, если мы не пересмотрим нормативно-правовые основы создания инновационной экономики. Необходимо внесение изменений и дополнений в существующие нормативно-правовые акты и принятие новых.

Во-первых, необходим Закон «О государственной поддержке технологических инноваций». Принятие данного акта обусловлено тем, что при вступлении в ВТО разрешается финансировать НИОКР со стороны государства на уровне 25 % от общего финансирования на конкурентной стадии и до 75 % — на доконкурентной стадии. Таким образом, повышается роль частного финансирования НИОКР. Мы должны четко разграничить сферы государственного и частного финансирования.

Во-вторых, необходим Закон «О технологических сервисах кластера». Для нормального функционирования кластера необходимы венчурные компании, аутстаффинговые фирмы (предоставляющие в лизинг инженеров и ученых, младший обслуживающий персонал).

В-третьих, требуется Закон «О научно-исследовательских университетах». Такой статус должен присваиваться университетам, ведущим большую научно-исследовательскую работу и входящих в ядро кластера.

Кроме того, необходим нормативный акт, определяющий статус малых инновационных организаций, а также о краудсорсинговых платформах. Последний позволит аккумулировать дополнительные финансовые средства для инновационных предприятий. Неплохо было бы принять акт о «О бизнес-ангелах», что позволило бы получить также дополнительный источник финансирования.

Для ускорения процесса кластеризации и создании кластеров в высокотехнологическом секторе необходимо внести изменения и в действующее законодательство:

- 1) «О борьбе с коррупцией»;
- 2) «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь»
- 3) «О государственно-частном партнерстве»
- 4) «О коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств».

Таким образом, в ближайшей перспективе без особых финансовых затрат на основе модели «открытых инноваций» и реформирования организационных связей можно было бы создать в Республике Беларусь инновационный кластер в высокотехнологической сфере.

Это и есть стратегия развития республики на ближайшие 30–40 лет. Если не успеем создать высокотехнологичные разработки (пока на данном этапе высокотехнологичные), они будут скуплены «на корню» по одиночке индусами и китайцами, а нам останется только предоставить свою территорию и рабочую силу для работы на иностранных предприятиях.

Высокотехнологичный кластер создавать необходимо. И даже создаваемый Белбиоград хорошо ложится на эту модель. К сожалению, другого пути у нас нет. Да и времени не осталось.

Литература:

1. Новикова, И. В. Геоэкономика как «Новая мировая сетевая экономика» / И. В. Новикова. — Palmarium Academic Publishing, Saarbrücken, Deutschland, 2016.
2. Новикова, И. В. Инновационный кластер — основа структурной перестройки национальной экономики» / И. В. Новикова // Банкаускі веснік. — 2015. — № 7. — С. 18–24.
3. The Global Innovation Index 2016. Winning of Global Innovation. P. 21 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2016.pdf. — Дата доступа: 05.03.2017.
4. The Global Innovation Index 2015. Effective Innovation Policies for Development. P.42 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII-2015-v5.pdf>. — Дата доступа: 05.03.2017.
5. Science &Engineering 2016 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.nsf.gov/nsb/sei>. — Дата доступа: 05.03.2017.